

Вебер А. Б.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИКИ

Вебер Александр Борисович – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник, Институт социологии РАН.
Россия, Москва, 117281, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: mailbox@polisma.ru

Тел.: +7 (916) 017 95 58

Аннотация. Социальный прогресс – это цель, к которой надо стремиться, но к которой разные страны продвигаются по-своему, разными темпами и с разными результатами. Как оценить уровень социального прогресса, как его измерить? Традиционный показатель ВВП на душу населения не может служить адекватной мерой благосостояния общества. Попытки найти такую меру предпринимались неоднократно, но предложенные методы и модели не вполне удовлетворяют требованиям полноты. «Индекс социального прогресса 2015» представляет собой новый шаг в этом направлении, впервые предлагая метод оценки социального прогресса как такового, независимо от экономического фактора. Это позволяет исследователям глубже проанализировать взаимосвязь экономического развития и социального прогресса, лучше понять как объективные, так и субъективные причины разительных несоответствий в использовании разными странами их экономических возможностей для социального развития, а политикам, бизнесу, лидерам гражданского общества применить этот аналитический инструмент для того, чтобы более рационально и чётко идентифицировать приоритеты и главные ориентиры действий в интересах инклюзивного роста и улучшения качества жизни в своих странах.

Ключевые слова: социальный прогресс; развитие человека; экономическое развитие; неравенство; бедность; приоритеты; стратегия развития.

Цели социального прогресса – такие, как права и свободы человека, право на развитие, на безопасность, на достойные условия жизни, на труд, на социальное обеспечение, на доступ к медицинским услугам, на образование – получили международное признание. Универсальная значимость этих целей нашла подтверждение в Уставе ООН, во Всеобщей декларации прав человека (1948), в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), в других международных договорах и соглашениях, подписанных и ратифицированных большинством государств мира.

Существует и понимание того, что социальный прогресс – это *задача*, к выполнению которой надо стремиться, но к которой разные страны продвигаются по-своему, разными темпами и с разными результатами. Одни смогли продвинуться больше, другие меньше, а иные топчутся на месте или вовсе деградируют, погрязая в разорительных межэтнических, конфессиональных и территориальных конфликтах и войнах.

Но как оценить состояние общества с точки зрения социального прогресса, как его измерить? В начале 30-х гг. прошлого века, когда в разгар мирового экономического кризиса возникла острая потребность в мониторинге состояния экономики, американский экономист Саймон Кузнец (Simon Kuznets) предложил использовать для этого разработанный им показатель валового внутреннего продукта (ВВП). Этот показатель получил признание и с тех пор используется как инструмент национальных счетов во всём мире. В расчёте на душу населения его стали со временем рассматривать как индикатор благосостояния общества, хотя сам С. Кузнец предупреждал: ВВП измеряет только экономическую активность, а не благосостояние.

Действительно, ВВП как сумма учитываемых текущих доходов отражает и деятельность, связанную с растущими издержками развития — такими как ликвидация последствий производственных и иных аварий, стихийных природных бедствий, борьба с преступностью, терроризмом, с другими социальными патологиями (наркомания, алкоголизм), с сопутствующими индустриализации и урбанизации заболеваниями, с загрязнением окружающей среды и пр. Общественное благосостояние неизбежно отстаёт от роста ВВП, а при определённых обстоятельствах может и «уходить в минус», когда экономика продолжает расти.

Понятно поэтому стремление исследователей выйти за пределы показателя ВВП и попытаться измерить социальный прогресс как таковой. Одна из первых таких попыток была предпринята ещё в 1970-е гг. века Ричардом Эстесом, крупным американским специалистом в области мировой социальной истории [Estes 1984, 1988]. Разработанный под его руководством Индекс социального прогресса (ИСП) включал, помимо индекса ВВП, ещё несколько показателей (образование, здравоохранение, демография, политическая стабильность и пр.).

Появление в конце 1980-х гг. концепции *устойчивого развития* послужило новым импульсом для разработки индикаторов состояния общества на основе критериев, выходящих за рамки традиционного показателя подушевого ВВП. Наибольшее признание получил Индекс человеческого развития (ИЧР), предложенный экспертами Программы развития ООН (ПРООН). Более практичный, чем некоторые другие, он включил, помимо показателя ВВП на душу населения (ВВП/д.н.), два «неэкономических» параметра — ожидаемая продолжительность жизни (состояние здоровья, здравоохранения) и уровень образования (грамотность взрослого населения и доля поступивших в учебные заведения). Фактически речь также шла о расширенном способе измерения социального прогресса.

Важным информативным результатом стала фиксация расхождений между рейтингами стран по ИЧР и по ВВП/д.н. Правда, включение в расчёт ИЧР показателя ВВП, ввиду отмеченной выше его специфики, несколько смазывает степень этого расхождения, но, тем

не менее, достаточно определённо выявилось то, что эксперты ООН и констатировали — «отсутствие существенной корреляции между экономическим ростом и улучшениями в области здравоохранения и образования» [Доклад ... 2010: 4].

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. актуализировал дискуссию о необходимости смены доминирующей в мире модели социально-экономического развития. В связи с этим представляет особый интерес исследование социального прогресса в мире, предпринятое аналитической группой международного исследовательского проекта “The Social Progress Imperative”. В рамках этого проекта разработан новый Индекс социального прогресса, первый вариант которого опубликован в 2014, а второй в 2015 году [Social Progress Index..., 2015]. Авторы поставили перед собой амбициозную задачу: создать, исходя из современных возможностей, такой инструмент измерения, который позволил бы дать целостное и адекватное представление о социальном прогрессе как в отдельных странах, так и в мире в целом, не искажённое какими-либо привходящими обстоятельствами.

Исходной посылкой доклада послужило понимание того, что модель развития, основанная только на данных об экономическом росте, по меньшей мере, неполна. Социальный прогресс значим сам по себе, его измерение содержит критический посыл, позволяя судить о том, как данная социально-экономическая система служит людям. Насколько экономическое развитие продвигает социальный прогресс — или не продвигает? Задуматься над этим заставляют и массовые протесты даже в относительно благополучных странах, и растущая в мире озабоченность поляризацией богатства и бедности, и дискуссии об экологических пределах роста.

Особенность данного исследования состоит ещё и в том, что впервые предпринята попытка оценить социальное развитие *независимо* от показателей экономического развития. Такой подход даёт возможность не только представить социальный прогресс в «чистом» виде (при всей условности этого приёма), но и выявить соотношение параметров социального прогресса и ВВП/д.н., что позволяет глубже проанализировать взаимосвязь этих двух сторон общественного развития, лучше понять роль социального прогресса как драйвера экономического роста, помочь определиться с выбором оптимальной стратегии развития.

Другая важная особенность этого исследования — подробная детализация самого понятия «социальный прогресс», охватившая широкий спектр взаимосвязанных факторов, которые его определяют. В качестве основных выделены три измерения: 1) базовые потребности человека, 2) основы благосостояния (wellbeing) и 3) возможности (opportunity), оцениваемые главным образом с точки зрения прав и свобод человека. Каждое включает несколько компонентов, которые, в свою очередь, представлены несколькими специфическими индикаторами — в общей сложности их 54 (см. таблицу 1)¹. Набор индикаторов может в чём-то показаться спорным, но поскольку «вес» каждого в отдельности невелик (1/54), то на общем результате это не должно отразиться заметным образом.

¹ В их число вошли как некоторые индикаторы, представленные в документе ООН «Цели тысячелетия в области развития (2000–2015)», так и индикаторы, предусматриваемые новой программой ООН «Цели устойчивого развития 2015–2030» [Social Progress Index..., 2015: 86, 87].

Таблица 1

Индекс социального прогресса

Базовые потребности человека	Основы благосостояния	Возможности
Питание и основные медицинские услуги	Доступ к основам знаний	Права личности
<ul style="list-style-type: none"> Доля недоедающих Дефицит продовольствия Материнская смертность Мёртворождения (stillbirth) Детская смертность Смертность от инфекционных заболеваний 	<ul style="list-style-type: none"> Грамотность взрослого населения Охват детей начальной школой Охват обучением в младших и старших классах средней школы Гендерное равенство в средних учебных заведениях 	<ul style="list-style-type: none"> Политические права Свобода слова Свобода собраний и объединений Свобода передвижения Права частной собственности
Состояние воды и санитарии	Доступ к информации и коммуникациям	Личная свобода и выбор
<ul style="list-style-type: none"> Доступ к водоснабжению Доступ к воде улучшенного качества в сельской местности Доступ к системам канализации 	<ul style="list-style-type: none"> Наличие мобильных телефонов Пользователи Интернета Индекс свободы прессы 	<ul style="list-style-type: none"> Свобода выбора образа жизни Свобода вероисповедания Свобода ранних браков Обеспеченность контрацептивами Уровень коррупции
Жильё	Здоровье и благополучие (wellness)	Терпимость и инклюзия
<ul style="list-style-type: none"> Жилищные условия Доступность электроснабжения Качество электроснабжения Смертность вследствие загрязнения воздуха в помещениях 	<ul style="list-style-type: none"> Ожидаемая продолжительность жизни Преждевременная смертность от неинфекционных болезней Доля людей с избыточным весом Смертность от загрязнения воздуха вне помещений Самоубийства 	<ul style="list-style-type: none"> Уважение к женщинам Терпимость к иммигрантам Терпимость к гомосексуалистам Дискриминация и насилие в отношении меньшинств Религиозная терпимость Коммунальная сеть безопасности
Личная безопасность	Устойчивость экосистем	Доступность продвинутого образования
<ul style="list-style-type: none"> Число убийств Уровень преступности с применением насилия Рецидивистская преступность Политический терроризм Смертные случаи на транспорте 	<ul style="list-style-type: none"> Эмиссия парниковых газов Использование водных ресурсов Биоразнообразиие и хабитат 	<ul style="list-style-type: none"> Число лет обучения в учебных учреждениях третьей ступени Средняя продолжительность школьного обучения женщин Неравенство в доступности образования Глобальный рейтинг университетов

Исследованием были охвачены 133 страны (покрывающие 94% мирового населения), по которым удалось получить достоверные показатели, основанные на комплексе статистических данных (61%), экспертных оценок (25%) и результатов социологических опросов (12%). Шкала значений определялась путём идентификации лучших и худших результатов по каждому индикатору для каждой страны за период с 2004 года, и в этих границах определялись сравнительные оценки по каждой позиции, сводимые затем в агрегированные показатели для каждого компонента и для каждого основного измерения¹.

Если рассматривать мир как одну страну, то глобальный индекс социального прогресса равнялся бы 61,00 балла. При этом среднемировая оценка удовлетворения базовых потребностей человека превышает общий глобальный индекс по разделам «Питание» и «Базовые медицинские услуги» – 87,47 балла и по разделу «Состояние воды и санитарии» – 68,87 балла. Это также те сферы, которые были в фокусе Целей тысячелетия в области развития и где за последние четверть века достигнут определённый прогресс. Худшей в этом разделе стала оценка «Личной безопасности» – 56,27 балла.

Что касается «Основ благосостояния», то здесь выше других среднемировой показатель доступа к основам знаний (85,98) – тоже сфера, находящаяся в фокусе Целей тысячелетия в области развития. Значительно ниже показатели состояния здоровья и условий для сохранения здоровья (64,67), а также доступности информации и коммуникаций (63,56). Худший среднемировой показатель в этом измерении – устойчивость экосистем, т. е. состояние окружающей среды (51,60).

Третье измерение – «Возможности» – в среднем получило на глобальном уровне самую низкую оценку. Лучший среднемировой показатель в этом разделе – «Личная свобода и выбор» (61,23). Показатели других компонентов намного ниже: «Доступность продвинутого образования» – 46,24, «Права личности» – 43,10, «Терпимость и инклюзия» – 42,36. При этом оценка соблюдения прав личности варьируется в очень широком диапазоне, опускаясь в некоторых странах до ничтожных 2,32 балла, тогда как в некоторых других странах она достигает 98,84 балла; то же относится и к оценке терпимости и инклюзии.

Нужно, конечно, учитывать, что правовые (институциональные) возможности социального прогресса интерпретируются авторами данного исследования с точки зрения принятых на Западе ценностных установок, часто игнорирующих культурно-цивилизационные особенности стран Азии, Африки, Латинской Америки. Поскольку оценка прав и свобод личности базируется преимущественно на экспертных оценках, здесь не исключена возможность односторонних, субъективных суждений, что сказалось, например, в сильно заниженном показателе ИСП Кубы (84 место в рейтинге 133 стран) – при том, что признаются её достижения в области удовлетворения базовых потребностей человека – первое место в регионе по

¹ Предельные значения шкалы установлены от 0 до 100, где за 100 принята оценка, которую страна получила бы, если бы имела самый высокий балл по всем индикаторам, а 0 – самый низкий из возможных по всем показателям. Фактически лучшими или худшими являются те показатели, которые ближе к предельным. Тем самым появляется возможность оценить достижения отдельных стран по каждой позиции относительно реальных лучших или худших показателей.

условиям питания и второе по доступу к основам знаний. Стоит отметить, что в рейтинге ИЧР 2013 года Куба (“very high Human Development Index”) среди тех же 133 стран занимала бы 36 место (44 место из 187 стран [Human... 2014: 159]) – примерно такое же, какое отводил ей Индекс социального прогресса Р. Эстеса в 80-е гг. прошлого столетия.

В странах, имеющих сходный уровень ВВП/д.н., достижения социального прогресса варьируются в широком диапазоне. Богатая страна может иметь высокие абсолютные показатели социального прогресса, но отставать в этом отношении от других стран с примерно равным ей уровнем душевого дохода; бедная страна может иметь лишь умеренный уровень социального прогресса, но гораздо лучшие результаты, чем равные с нею по ресурсным ограничениям другие страны.

Иными словами, при более или менее одинаковом уровне экономического развития одни страны по тем или иным причинам лучше справляются с задачами социального прогресса, другие хуже.

Авторы исследования попытались статистически определить сравнительные результаты социального прогресса стран, находящихся в сходных экономических условиях. Для этого они прибегли к довольно сложной процедуре: выделили для каждой страны референтную группу из 15 стран, наиболее близких к ней по уровню ВВП/д.н., определили для каждой группы медианный показатель социального прогресса (median scores) и сравнили показатель каждой страны с соответствующим показателем их референтных групп.

По полученным данным, 15 стран из общего списка можно отнести к overperformers – в их числе Коста-Рика, Уругвай, Никарагуа, Новая Зеландия, Ямайка, Швеция, т. е. страны, которые достигли значимых опережающих результатов по сравнению с другими в своей референтной группе. Гораздо больше оказалось стран (33), где показатели социального прогресса значительно ниже их экономических возможностей (underperformers), среди них, как ни парадоксально, страны с богатыми природными ресурсами, такие как Саудовская Аравия, Кувейт, Венесуэла, Нигерия, Ангола – здесь и степень «недоразвития» особенно велика.

Однако не все наделённые богатыми природными ресурсами страны (нефть, газ и т. п.) «не дотягивают» по социальным показателям. Так, Норвегия и Австралия имеют столь же высокий ИСП как и их референтные группы по ВВП/д.н. Странам, сумевшим создать сильные институты и основанный на законности правопорядок, лучше удаётся использовать имеющиеся ресурсы для инвестиций в социальный прогресс, тогда как другие страны, богатые ресурсами, страдают от институциональной и политической нестабильности. В группу underperformers попадают, естественно, и страны, втянутые в жестокие и затяжные региональные конфликты.

Но есть и другие, более сложные, комплексные причины относительного отставания социального прогресса. Сравнительно низкую для России позицию в рейтинге ИСП (71 место) исследователи объ-

ясняют невысоким в среднем качеством здравоохранения, низким уровнем толерантности, социальной вовлечённости, проблемами с гражданскими правами и свободами, с личной безопасностью. В то же время Россия имеет сравнительно высокую оценку по таким показателям, как условия питания, состояние воды и санитарии, базовая медицинская помощь и образование. В рейтинге ИЧР среди 133 стран Россия заняла бы 45 место (57-е в списке 187 стран [Human..., 2014: 159]) – примерно на уровне её ИСП в 1980-е гг. Россия отчасти следует паттерну богатых природными ресурсами стран. Но надо учитывать и особенности её географического и геополитического положения – огромную протяжённость территории, коммуникаций, внешних границ, континентальный климат, что во многом определяет государственную политику распределения и использования национального дохода и бюджетных расходов.

С Китаем, который также относится к группе *underperformers*, особая ситуация. Китай с его высокими темпами роста приходится сравнивать с другими быстро растущими экономиками. Между тем, социальный прогресс, будучи продуктом накопленной массы инвестиций, следует за экономическим развитием с определённым лагом. Это не значит, что все быстро растущие экономики отстают с показателями социального прогресса, но заставляет предположить, что у них могут возникать проблемы с освоением, реализацией тех или иных аспектов социального прогресса.

Для более детального анализа исследователи разделили все 133 страны по достигнутому уровню социального прогресса на шесть групп, обладающих определённым сходством агрегированных показателей, хотя и с существенными различиями в отдельных компонентах. В десятку лидеров («очень высокий уровень») вошли Норвегия, Швеция, Новая Зеландия, Канада, Финляндия, Дания, Нидерланды и Австралия), в низшую группу («очень низкий уровень») – несколько беднейших стран Африки и Азии.

Таблица 2

Сводка данных о структуре и уровнях социального прогресса по группам стран (субиндексы)

Группы стран по уровню социального прогресса	Базовые потребности	Основы благосостояния	Возможности
Очень высокий	94,77	83,85	83,07
Высокий	90,86	77,83	73,82
Верхний средний	70,90	68,78	47,65
Нижний средний	72,34	66,90	47,14
Низкий	50,03	58,01	38,35
Очень низкий	38,46	48,55	26,05

Источник: [Social Progress Index..., 2015: 45–50]

Таблица 2 демонстрирует большой диапазон различий в уровнях социального прогресса разных стран по основным его измерениям, принятым в исследовании. Не менее существенны различия и по отдельным компонентам, в том числе

в каждом разряде. Даже страны «первого эшелона» имеют много нерешённых проблем и открытые возможности улучшений в различных направлениях. В частности, почти все они получили низкую оценку устойчивости экосистем. Такая ситуация отмечена и во всех остальных группах. Средние группы характеризуются резко сниженной оценкой третьего измерения – возможностей прогресса. В двух последних группах особенно плохо обстоит дело с базовыми потребностями человека – здесь оценки даже ниже, чем оценки основ благосостояния. И, конечно, крайне низок показатель возможностей прогресса.

Детальный анализ вновь подтверждает, что экономические результаты не могут дать полного объяснения различий в уровнях социального прогресса. С уровнем ВВП/д.н. в наибольшей степени коррелирует степень обеспечения базовых потребностей человека, в меньшей – основы благосостояния, и в ещё меньшей – возможности развития человека. И это понятно: в последнем случае важны не только и, может быть, не столько инвестиции, сколько правовые нормы, их соблюдение и соответствие политических установок этой задаче.

Как ИСП соотносится с распределением доходов, с *крайним неравенством* в распределении? Концентрация богатства в руках немногих продолжает расти. Богатейшим 10% населения мира принадлежит 87% мирового богатства. Во многих странах доходы верхнего 1% (одного процента) граждан в 100 раз и больше превышают средний (медианный) уровень доходов [Global..., 2014: 11, 28].

Проблема неравенства с точки зрения социального прогресса авторами исследования затрагивается, но как-то вскользь и формально. Сопоставление ИСП и коэффициента Джини приводит их к следующим выводам. Страны с самым высоким ИСП имеют самый низкий коэффициент Джини, т. е. это страны наименьшего неравенства по доходам. То же сопоставление по всем странам обнаруживает в целом негативную корреляцию ИСП и коэффициента Джини, но очень слабую, т. е. слабо выраженный тренд снижения уровня социального прогресса по мере роста неравенства.

Более того, если взять за точку отсчёта США с их довольно высоким уровнем неравенства, то можно назвать страны, где неравенство меньше, а отставание социального прогресса относительно уровня ВВП/д.н. больше; и страны (развивающиеся), где неравенство больше, но по показателю социального прогресса они опережают свой ВВП/д.н. Это даёт основание предположить, что отношение между социальным прогрессом и неравенством по доходам зависит от уровня развития страны: выше уровень развития – связь слабая, ниже – связь сильнее. Если же показатель ВВП (т. е. фактор экономического развития) убрать, то, утверждают исследователи, статистически значимого отношения между неравенством и социальным прогрессом не фиксируется.

Следует, однако, иметь в виду, что коэффициент Джини имеет свои недостатки — не учитывается источник дохода, не всегда охватываются активы в целом (недвижимость и т. п.). Его прямое сопоставление с ИСП, т. е. с данным уровнем социального прогресса, оставляет в стороне косвенное, опосредованное влияние сверхбогатства, вероятность большего социального прогресса при большем равенстве. «Экономика прихоти» с её безоглядной расточительностью означает существенное отвлечение ресурсов, которые можно было бы использовать производительно, обратив на цели общественного благосостояния. Кроме того, сверхбогатство — это и возможность влияния привилегированных групп общества на решения властных структур, касающиеся распределения бюджетных средств; это противодействие увеличению социальных расходов в интересах большинства. Поэтому не лишены, видимо, оснований свидетельства того, что крайнее неравенство отрицательно коррелирует с показателями социального прогресса.

Данное обстоятельство становится особенно очевидным, если обратиться к феномену *бедности*. Социальный прогресс предполагает смягчение и преодоление бедности, но она же и ограничивает его возможности. Влияние бедности как тормоза для социального прогресса авторы исследования признают. При переходе к странам с большим ИСП процент живущих в крайней бедности уменьшается. Бедность негативно и существенно коррелирует с социальным прогрессом — сопоставление даёт статистически значимый результат, действительный для всех трёх основных измерений Индекса.

Почему низкий уровень социального прогресса ассоциируется с крайней бедностью? Во многих случаях это обусловлено фатальной нехваткой ресурсов. Но крайне низкие показатели ИСП объясняются не только нищетой. Страны с низким уровнем дохода на душу населения показывают широкий диапазон различий в уровне социального прогресса и бедности. Дело, следовательно, и в том, насколько граждане той или другой страны способны деятельно участвовать в экономической жизни (то, что называется инклюзией, вовлечённостью). А это зависит от наличия и доступности базовых социальных возможностей — элементарных медицинских услуг, хотя бы начального образования, защиты прав собственности, личной безопасности и т. д.

Индекс социального прогресса имеет важное практическое значение в политическом плане. Проблемы социального развития, хотя и обусловлены историей, объективным положением вещей, во многом упираются в политику, в выбор стратегии развития и приоритетов.

Почему Коста-Рика с её невысоким ВВП/д.н. в \$13,431¹ по ППС заняла 28 место в рейтинге ИСП? Наверно и потому, что в Коста-Рике ещё в XIX веке было введено всеобщее начальное обучение в школах. А принятая в 1949 г. новая Конституция запретила создание и содержание в мирное время постоянной регулярной армии. Освободившиеся ресурсы были использованы для развития образования.

¹ Данные о ВВП на душу населения определялись как среднее за 2010–2013 гг.

Почему Россия при значительно большем душевом ВВП в \$23,564 заняла только 71 место, уступив не только Коста-Рике, но и многим другим странам с гораздо меньшим подушевым доходом? Для этого есть, конечно, веские объективные причины, о которых сказано выше. Но есть и причины институционального и субъективного порядка – высокая степень централизации власти, проявления волонтаризма в политике, выстраивание приоритетов, идущих подчас вразрез с чаяниями большинства населения.

По мнению россиян, правительство должно выделять деньги в первую очередь на повышение жизненного уровня населения – так считает 67% участников социологического опроса, проведённого Левада-центром в мае 2015 года. В качестве приоритетных направлений финансирования – улучшение медицинского обслуживания назвали 55%, поддержку незащищённых слоёв населения – 53%, развитие образования – 26%. Тогда как в пользу первоочередности расходов на перевооружение и модернизацию армии высказались 12%, в пользу устройства престижных международных мероприятий – 5%, в пользу развития космических программ – 4% [Левинсон, 2015]. Налицо существенные расхождения между властью и большинством населения в представлениях о бюджетной политике, характеризующейся растущими диспропорциями в ущерб социальной сфере.

Другой разительный пример – США. Богатейшая мировая держава, лидеры которой считают её «образцом» для народов других стран, заняла только 16 место в рейтинге ИСП. Комментируя публикацию Индекса 2015 г., обозреватель «Нью-Йорк таймс» Н. Кристоф писал: «Недавно опубликованный глобальный индекс показывает, что Америка, наряду с другими могущественными странами, не дотягивает в том, что важнее всего: обеспечение высокого качества жизни для простых граждан. <...> Мы можем бить себя в грудь и хвастаться, будто мы страна № 1, и в чём-то это так. Но на важных направлениях мы отстаём» [Kristof, 2015].

В подтверждение сказанному Кристоф указывает на то, что, согласно Индексу, Соединенные Штаты занимают 30 место по ожидаемой продолжительности жизни, 38 по выживаемости детей и уни- зительное 55 место по выживаемости рожениц. Мы знаем, добавляет Кристоф, о нашем высоком уровне убийств, но в США и смертность на дорогах выше, чем в 37 других странах, а уровень самоубийств выше, чем в 80 других странах. США находятся на 38 месте по показателю равенства в образовательной системе, на 49 месте по охвату соответствующей возрастной когорты высшим образованием и на 87 месте по использованию сотовых телефонов.

Кристоф напрямую связывает такое положение вещей с феноменом неравенства и особенно с бедностью. Финансирование программ поддержки нуждающихся в помощи бедных требует увеличения налогов на сверхбогатых, но они предпочитают создавать частные альтернативы публичным благам – частные школы, частные охранные агентства,

закрытые поселения (gated communities). А это ведёт к недофинансированию социальных услуг, жизненно важных для нуждающихся. «Мы одержимы ложными целями, и поэтому мы часто придерживаемся ложных приоритетов», – заключает Кристоф, упрекая соотечественников в пассивности, в неспособности прийти к согласию о самом важном для будущего, и высказывая разочарование тем, что американская политическая система «видимо, неспособна возвыситься до вызовов», с которыми сталкивается общество.

В целом можно констатировать, что «Индекс социального прогресса 2015» сам по себе ничего не изменит, но он поднимает вопросы и ставит проблемы, которые должны заставить многих задуматься, особенно тех, от кого зависит принятие политических решений, касающихся благополучия миллионов простых людей на планете.

Список литературы

Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути развития человека. Опубликовано для Программы развития ООН. М.: Издательство «Весь мир», 2010.

Левинсон А. На что не надо тратить народные деньги. [Электронный ресурс] // Ведомости 23 июня 2015 г. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/06/23/597510-na-cto-ne-nado-tratit-narodnie-dengi> (Дата обращения: 20.08.2015).

Estes R. J. The Social Progress of Nations. New York: Praeger. 1984.

Estes R. J. Trends in World Social Development: The Social Progress of Nations, 1970–1987. New York. 1988.

Human Development Report 2014. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). N.Y., 2014.

Kristof N. Enjoying the Low Life. [Электронный ресурс] // New York Times. April 9, 2015. URL: http://www.realclearpolitics.com/2015/04/09/enjoying_the_low_life_354692.html (Дата обращения: 17.08.2015).

Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. Social Progress Imperative [Электронный ресурс] // URL: www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1,dim3 (Дата обращения: 25.08.2015).

Social Progress: Measurement Problems, Comparative Analysis and Policy Challenges

Veber Alexander Borisovich

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: mailbox@polisma.ru

Abstract. Social progress is a goal to which we should strive, but to which different countries are moving in their own way, at different speeds and with different results. How do we assess the level of social progress, and how do we measure it? The traditional indicator of GDP per capita cannot provide an adequate measure of society's well-being. Attempts to find such a measure have repeatedly been made, but the proposed methods and models do not fully satisfy the requirements of completeness. The "Index of Social Progress 2015" represents a step in this direction, for the first time offering a method for assessing social progress as such, irrespective of the economic factor. This allows researchers to further analyze the relationship between economic development and social progress, better understand both objective and subjective reasons for striking disparities in the use of economic opportunities in different countries for social development, and for politicians, business and leaders in civil society to apply this analytical tool more rationally and clearly identify priorities and the main targets for action for inclusive growth and improvement in the quality of life in their countries.

Keywords: social progress; human development; economic development; inequality; poverty; priorities; a development strategy.

REFERENCE

Doklad o razvitii cheloveka 2010. Real'noe bogatstvo narodov: puti razvitija cheloveka. [*Human Development Report 2010 The Real Wealth of Nations: Pathways of human development*]. Opublikovano dlja Programmy razvitija OON. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2010. (*In Russ.*).

Levinson A. Na chto ne nado tratit' narodnye den'gi. [*What is not necessary to spend the people's money*]. [Elektronnyj resurs] // Vedomosti 23 iyunja 2015 g. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/06/23/597510-na-chto-ne-nado-tratit-narodnie-dengi> (Data obrashhenija: 20.08.2015). (*In Russ.*).

Estes R. J. The Social Progress of Nations. New York: Praeger. 1984.

Estes R. J. Trends in World Social Development. The Social Progress of Nations, 1970–1987. New York. 1988.

Human Development Report 2014. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). N.Y., 2014.

Kristof N. Enjoying the Low Life. [Electronic resource] // New York Times. April 9, 2015. URL: http://www.realclearpolitics.com/2015/04/09/enjoying_the_low_life_354692.html (Date of treatment: 17.08.2015).

Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. Social Progress Imperative [Electronic resource] // URL: www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1,dim3 (Date of treatment: 25.08.2015).

